

совсем недурно, — то неужели Вы можете предполагать, что я в возможно короткий срок не доставлю Вам «Исповеди безумца», переведенной безукоризненно до тахітум'а?

5) С Горьким я не расплевывался, также как никогда и не кадил ему. В один день, когда он хотел заставить меня подписать, не ознакомившись с делом, бумагу, выносящую жестокое, однобокое и несправедливое обвинение одному из писателей, и когда, в ответ на высказанное мною желание узнать всю мотивировку приговора, он лишь ответил, что все равно вопрос уже предрешен, я отказался дать свою подпись и с той поры перестал видаться с А. М. и с внелитературной коллегией. Молча. Это ли значит расплеваться.

Я очень жалею, что Вы больны, ведь всегда ценил и уважал Вас, как, впрочем, и теперь отношусь к Вам, несмотря на крайнюю резкость некоторых Ваших слов в нашей переписке. Еще раз повторяю, что в дело перевода Стриндберга я вложил всю мою любовь к этому писателю и все желание поскорее и получше кончить перевод романа. Винить ли меня за то, что я вырвался из Финляндии, наладив дело на месте самым верным образом?

5) Я не смею Вас упрекать за откровенные разговоры с питерцем о Ваших издательских делах. Это, конечно, Ваше дело. Но, во-первых, зная Горького лучше, чем многие, я твердо знаю, что назло мне он не станет торопить перевода: настолько у нас обоих осталось уважения друг к другу. Если же даже у него и есть перевод и если даже предположить в нем такие детски-истерические чувства, то — уверяю — у них нет бумаги даже на издание самых действительно необходимых книг... Это соображение, однако, не примите за предлог к моей области. День окончания перевода будет для меня днем достижения Земли обетованной. Но даже в том непредвиденном случае — если я внезапно, скажем, нынче, умру скоропостижно, — Вы аванс, данный мне для моих сотрудников, получите от моей вдовы.

Поэтому, бросим сердиться и колоть друг друга, как истые интеллигенты. Утвердимся во взаимной вере и пожмем друг другу руки. И скажите, кстати: куда мне слать оконченные части перевода — раз навсегда.

Искренне Вам преданный

А. КУПРИН

IX

[Париж, лето 1920]

Дорогой Евгений Александрович.

Я уже хотел было сказать «Атеп», как наш общий Римап уехал в Ригу и велел направлять к нему всю корреспонденцию, в том числе и выправленные мною переводы. Таким образом, между моим прошлым присылом и нынешним образовался пропуск, страниц в 10—12. Напрасно мы понукаем его вдвоем — я из Парижа, молодой юнкер из Гельс [ингфор]са. — Он притворился мертвым жуком. Он, сукин сын, видите ли обиделся на то, что я спросил юнкера, получил ли он и Семенов деньги за работу. Он счел это с моей стороны за недоверие к нему. Написал мне грубейшее письмо, на которое я даже лишен удовольствия ответить, боясь, что он назло возьмет, да сунет этот кусок перевода в нужник!

Для скорости я мог и здесь восстановить нехватку. Но во всем Париже нет ни одного экземпляра «Исповеди безумца». Рыскал и я, и мои парижские друзья. Тот, по которому я справлялся, мне выхлопотали, и с большим трудом, из Универс[итетской] библиотеки, а теперь мой поручитель уехал в Бискайю и должен был сдать книгу обратно. Ради бога, поручите кому-нибудь, верному человеку, восстановить пропуски!!! А тому, что Вы делаете на перевод легкий вернисаж, я очень, очень рад и просто не знаю, как и благодарить Вас.